Наша газета продолжает серию публикаций, посвященных 165-летию героической обороны Петропавловского порта в 1854 году, по материалам сборника «Защитники Отечества» Дальневосточного книжного издательства (1989). Составитель сборника Б. П. Полевой.

В этом номере мы публикуем воспоминания участника обороны Петропавловского порта в 1854 году капитана I ранга Александра Арбузова, а также приводим иные свидетельства тех героических дней.

ОБОРОНА ПЕТРОПАВЛОВСКОГО ПОРТА В 1854 г.

ПРОТИВ АНГЛО-ФРАНЦУЗСКОИ ЭСКАДРЫ (А. П. АРБУЗОВ)

Из записок очевидца и участника в этом деле

Капитан I ранга Александр Павлович Арбузов в декабре 1853 г. был назначен помощником камчатского губернатора и командиром Петропавловского порта. По пути на Камчатку еще в Иркутске возглавил отряд солдат, которые были направлены для Петропавловска.

Еще в Забайкалье организовал обучение солдат действиям строем, что принесло большую пользу при штурме Никольской горы.

Вскоре после прибытия на Камчатку в июле 1853 г. он испортил отношения с В. С. Завойко, который своей властью отрешил его от командования Петропавловским портом. Арбузов отказался подчиниться приказу Завойко и на этой почве отношения между ними

крайне обострились.

Несмотря на отрешение от должности, Арбузов добился того, что ему разрешили принять участие в обороне порта. Он участвовал при штурме Никольской горы. Но В. С. Завойко в своем рапорте умолчал о роли Арбузова в обороне Петропавловска. Именно это вызвало большое раздражение у А. П. Арбузова.

В какой-то мере он был прав, что В. С. Завойко был необъективным в оценке роли в обороне отдельных ее участников, например И. Н. Изыльметьева, К. И. Мровинского и самого А. П. Арбузова.

Но читатель должен помнить, что и сам А. П. Арбузов освещал события обороны тоже необъективно и в его записках имеется немало неточностей.

Английский адмирал Прайс покончил жизнь самоубийством, а не погиб от русского снаряда. Искажал он и фамилии участников обороны: Максутова он называл Максютовым, Мровинского – Муравинским, залив Де-Кастри именовал заливом Кастро, гольдов именовал гольтами.

Все эти явные ошибки нами исправлены в публикуемом тексте. Воспоминания А. П. Арбузова были напечатаны в журнале «Русская старина», 1870, т. I, с. 365–379.

«Действия наши в Приамурском крае, защита Петропавловска – факты, принадлежащие истории; а на основании того, что история, по выражению Цицерона, «должна иметь два закона, а именно: чтобы она не смела сказать ложь и не устрашилась сказать истину», – история воздает и в этом деле всякому, что он заслуживает. И, может быть, история выведет такие личности, которым в настоящее время приписывают наряду с прочими характер чисто исполнительный, тогда как они были в этом деле самостоятельны».

Невельской. «Морской сборник», 1860 г., кн. XII.

В декабрьском номере «Морского сборника» за 1854 г. напечатана статья: «Нападение на Камчатку англо-французской эскадры, в августе 1854 г.», составленная на основании совершенно недостоверных сведений об отражении нападения на Петропавловский порт англо-французской эскадры. Подробности знаменитого отражения неприятелей от восточных пределов нашего Отечества сделались, таким образом, известны России не вполне...

Мне, старому матросу и солдату, не приводилось изощрять своих способностей над научною работою; чужды мне литературные приемы, и слава автора мне не привлекательна. Но я привык уважать факты, честно относиться к истине – вот что и заставляет меня писать, чтобы просто и верно, без претензий на литературную обработку, сказать несколько слов правды о событии, славном для чести русского моряка и солдата.

Высочайшим приказом по флоту от 16 декабря 1853 г. за № 1271 я был назначен помощником военного губернатора Камчатки, капитаном над портом Петропавловска и командиром 47 флотск. экипажа. Вследствие этого, отправясь зимним путем по назначению, я прибыл в Иркутск в марте, а в начале апреля 1854 г. был в деревне Ланченово у реки Шилки, Нерчинского округа. Здесь я встретил 500 человек солдат, собранных из 12, 13 и 14 сибирских батальонов, под заведыванием прапорщика Глена, назначенного с частью солдат в Ситху. Прежде всего здесь приняты мною были меры для предупреждения в отряде весенних лихорадок. Затем принялся я обучать людей только что вводимым в войсках военным движениям, которому сам научился в Турции у европейских инструкторов в 1848 г. К счастию, стрельбе обучать было не нужно, ибо более половины солдат, бывших сибиряков-звероловов, оказались артистами в этом искусстве. С 3 мая начали приготовлять плавучий отряд, состоявший из плотов, связанных из сукоствольных дерев, шести барок, 12 офицерских лодок и парохода «Аргунь». Проведение парохода по реке Шилке от завода Шилки до верховья реки Амура, при слиянии Шилки с Аргунью – было возложено на меня. Не имея ни карты, ни лоцмана, я мог взяться за провод парохода только под ручательством главнокомандующего, что я не отвечаю за могущие произойти случайности и повреждения от подводных камней и карг, а что, между прочим, плавая по реке Дунаю в 1828, 29 и 30 годах, я приучился к определению фарватера по струе течения, виду берегов и изворотам реки. Таким образом, 14 мая, под звуки колоколов, благословляемый священ[ником] единственной церкви, Преображения господня, пароход наш во главе отряда пустился вниз по течению. Отряд наш состоял из 52 частей, где были помещены более 1000 солдат, 100 конных казаков, легкая батарея, стадо быков, провиант и хор музыкантов. Через три дня пароход достиг цели своего назначения и остановился у последнего нашего поселения – Усть-Стрелецкого. Продолжая дальнейший путь, под предводительством Ник. Никол. Муравьева, 17 мая пустились мы по многоводному Амуру, текущему между островами и высокими берегами; а 12 июня остановились у озера Кизи, не дошедши 120 верст до устья. Простояв там

двое суток, я был отправлен в порт де-Кастри с 400 солдатами – через озеро Кизи на пароходе «Аргунь», имея лодки на буксире, а далее болотом. Шли мы туда трое суток, сделав в это время 25 верст, причем солдаты несли на носилках боевую амуницию, провизию сухарей и крупы на две недели и вещи кап.-лейт. Коралова, инж.-поруч. Мровинского и мои. Путь этот был очень труден; пробираясь болотом, необходимо было срубать во многих местах деревья и сучья для устройства мостов и переходов; местами приходилось перепрыгивать с кочки на кочку... Взятые нами два оленя для верховой езды оказались мало полезными по неудобству седел и неуменью ездить, так что пришлось идти пешком. Кормился весь наш отряд солониной, варили щи из дикой зелени, черемши (allium ursinum), собираемой по дороге, да пили кирпичный чай, варившийся обыкновенно в солдатских котелках. Чай этот – спасительное средство от влияния миазмов болот. Таким образом, в сопровождении местного жителя, полудикого гольда, служившего нам проводником, вышли мы на берег Татарского пролива. Родная атмосфера моря оживила меня, утомленного трудным путем, и, пройдя верст 10 по берегу отлива, мы пришли в порт де-Кастри. Переночевав здесь в ожидании Ник. Ник. Муравьева, мы на другой день были перевезены на транспорт «Двина», пришедший за нами из Петропавловска.

Наконец, 19 июня пустились мы в путь Охотским морем через второй Курильский пролив. Труден был переход по болоту до порта де-Кастри; но плавание наше по морю и океану грозило сделаться для нас гибельным. Огромное число людей на небольшом транспорте пользовалось весьма тесным помещением. В течение 35-дневного плавания нашего продовольствие наших людей было весьма скудное, а под конец дошло до того, что питались сметками с сухарей и самым незначительным количеством дождевой воды, собираемой с тентов, парусины, растянутой по верхней палубе. Во все время плавания люди обучались артиллерийскому делу и изготовлялись к встрече с неприятелем. Но провидение, видимо, покровительствовало нам, так что, несмотря на все дорожные лишения, мы привезли в Петропавловск только трех слабых.

24 июля, в день мученицы Христины, мы прибыли в порт Петропавловск и с радостью встретили там 44-пушечный фрегат «Аврора». В тот же день, строго следуя правилам военной дисциплины, я явился к начальнику, в лице генерал-майора Завойко. Но радость наша при встрече с товарищами была непродолжительна. Приехав в порт, рискуя на дороге пострадать от голода, мы и здесь должны были ожидать того же, ибо, согласно сделанному распоряжению, имевшийся запас провизии был разослан рабочим Северо-американской компании, так что спасение наше от голодной смерти произошло лишь от прихода из Гамбурга клипера «Св. Магдалина», за неделю до появления неприятеля, 10 августа, привезшего нам 30 тысяч пудов провизии. Кроме этого, вскоре по нашем приезде оказалась господствующая в порте старинная, крайне суровая система управления, благодаря которой совершенно испортились славные дальновояжные матросы, составляющие мой 47 флотский экипаж, и обратились в людей, промышляющих беспорядками и воровством. Такое нравственное настроение

команд дошло до того, что во время осады неприятелей были вынуждены прибегнуть к примерному расстреливанию пойманных в воровстве (привязав через палача к позорному столбу и выразив помилование). В этом хаосе и неурядице единственную надежду можно было возлагать лишь на вновь привезенных мною солдат и команду славного фрегата «Аврора».

Продолжение следует